

А несколькими страницами ранее Бердяев указывает на то, что, несмотря на царские в мире ненависть, корысть и необходимость, враждебные личности, есть силы, способные ежеминутно положить конец этому миру. Это всякий творческий акт и каждый акт нравственный - любви, милосердия, жертвы. А когда наступает конец мира сего, личность входит в мир иной, в Царство Божие.

Обоим великим русским мыслителям были свойственны эсхатологические + настроения, оба связывали грядущий конец мира с появлением Антихриста. Только В. Соловьев видел его в образе Зверя-Кумира, а Н. Бердяев представлял его в образе Зверя-Коллектива. Соединяя сказанное ими, да уберемся мы от чар Антихриста, да наступит конец истории греха, зла и лжи, да разрушится град земной. Пусть начнется история добра и любви, и пусть восстанет Град Небесный, Царство Божие - и сегодня, и завтра, и во веки веков.

§ 19. Народ и власть. Сложные взаимоотношения народа и власти постоянно были в центре внимания исследователей. Власть, какова она на Востоке, совершенно не похожа на власть западного типа. Что касается народа и его героев, то известная сказка о бессмертном драконе, родившаяся, кажется, в Китае, вполне могла родиться и в Европе. Вспомним: дракон-тиран не был не только бессмертным, но даже не был могучим. Просто каждый очередной народный герой, пришедший, чтобы сразиться с драконом, победив его и получив его власть, становился драконом сам. Народ же, не имеющий доступа во дворец, считал своего бесстрашного и человеколюбивого героя погибшим. Так и текли века.

Русский народ в этом отношении стоит как бы особняком. Почти двести лет назад близкий друг Пушкина князь Петр Вяземский в письме Н. И. Тургеневу так определил тот род душевного состояния, в котором пребывают русские:

"Мы на все смотрим, но ни во что не всматриваемся. Черт знает, чем мы заняты! Нам всё как будто недосужно. Поглядишь на нас, подумаешь, что мы думаем думу: ничуть не бывало. На нас от рождения нашел убийственный столбик... Пошатнуло немного, а тут опять эта проклятая Медузина голова, т.е. невежество гражданское и политическое, окаменило то, что начинало согреваться чувством". /От 03.06.1818/

Это породило феномен русского отношения к власти. Если, например, в Индии мудрецы уходили отшельниками в леса, то власть оставалась наедине с народом и поневоле становилась абсолютной и безнаказанной, имея в своем распоряжении всё земное. На Западе мыслители, основываясь на христианстве, породили великую идею права, которой постепенно подчинили и саму власть. Но русские и здесь попытались найти третий путь. В результате мы имеем, с одной стороны, обожествление власти /на определенных этапах/, а с другой стороны - беспрецедентное безразличие к ней почти на всех этапах, плюс тысячи народных анекдотов о "власть имущих". Власть зачастую оставалась пастухом без стада, а народ - стадом без пастуха. Они существовали как бы каждый сам по себе.

Власть в России никогда не была человеческой и близкой к народу. в дореволюционные времена она даже по крови не была вполне русской: сначала Рюриковичи /Олег-Хельг, Игорь-Ингвар, Святослав-Свендилейф, Владимир-Вальдемар/ были русами, т.е. варягами. Потом, только начав становиться русскими, стали жениться на иноземках. Уже Иван III

+ от греч. *eschatos*, последний - религиозное учение о конце мира и времени, имеющее исключительно эзотерическое значение

был женат на племяннице византийского императора, а Романовы вообще облюбовали себе Германию в качестве "ярмарки невест": лишь Михаил Федорович и Алексей Михайлович произвели наследников престола от русских женщин, начиная же с Петра II у всех российских императоров и матери, и жены были немками. Конечно, не национальность предопределила жестокость Ивана Грозного, гениальность и неуравновешенность Петра Великого, легкомыслие его дочери Елизаветы, взбалмошность Павла и слабОВОлие Николая II, но уже сама сущность самодержавия не располагала к демократизму наших царей.

В коммунистический период "самое передовое учение" вообще нигилистически относилось и к человеку, и к народу в целом: над ними было установлено тотальное господство власти. Немецкий религиозный философ-экзистенциалист Карл Ясперс писал в 1958 году в книге "Атомная бомба и будущее человечества":

"Тотальное господство является уже само по себе террором... Ложь возведена в принцип. Правовой контроль так же излишен, как и проверка основного учения в критической дискуссии". /124, с.160/

Народ, сначала скованный страхом и пропагандистским ослеплением, постепенно привык "безмолвствовать", а когда страх постепенно исчез, просто молча посмеивался то над "волюнтаризмом", то над "застоем", то над "маразмом", а в конце концов - и над "перестройкой". Выработалось стойкое отделение себя от власти, и даже гласность и демократия вызвали критические реплики о том, что "при Сталине был порядок" или что застой был не так уж плох /"они воровали и нам давали". Конечно, находились люди, возвышавшие свой голос в защиту прав человека и народа: даже в период репрессий против него, академик Андрей Сахаров мог написать свои "Размышления о прогрессе":

"Источниками этих трагических явлений всегда были борьба эгоистических групповых интересов, борьба за неограниченную власть, подавление интеллектуальной свободы, распространение в народе массовых эмоциональных и интеллектуально упрощенных, удобных мещанских мифов /миф расы, земли и крови, миф о еврейской опасности, антиинтеллектуализм/".

Та власть, которая называлась советской, а позже получила название "командно-административной системы", за годы своего существования выработала эффективный метод защиты на случай угрозы: это была чисто идеологическая практика, т.к. заключалась она в провозглашении лозунгов "на злобу дня". Ликвидация "кулачества" была "борьбой против внеклассовых /читай - общечеловеческих/ норм морали и права, репрессии тридцатых годов были "обострением классовой борьбы" и т.д.

Размышляя о коммунистической власти в статье "О бюрократизме в советском обществе", диссидент А. Зиновьев пишет, что в СССР сильно развит бюрократизм, но - добавляет:

"...проистекает это не от бюрократического аппарата, а от общей системы власти и организации управления обществом, в котором отсутствует личная заинтересованность в скорейшем и наилучшем решении проблем". /29, с.49/

Конечно, это верно. Но такой аппарат власти существовал и в царской России. Есть бюрократизм и в странах Запада, и в крупнейших демократиях Азии - Индии и Японии. Что же отличает коммунистическую бюрократическую власть, командно-административную систему от других типов власти? А. Зиновьев пытается дать ответ на этот вопрос в докладе на конференции 1979 года во Флоренции:

"Единая и унифицированная система власти пронизывает все общество сверху донизу... Эта система является самодовлеющей и самовоспроизводящейся путем индивидуального отбора в нее подходящих индивидов". /28, с.52/

В том же докладе Зиновьев заявляет, что подавляющему большинству в СССР совершенно не нужны гражданские свободы, в том числе и такая важнейшая, как возможность контроля власти. Большинство советских людей не нуждались в этом по самому своему образу жизни. Им выгодна была власть, которая предоставляет бесплатное образование и медицину, пусть малооплачиваемую, но "непыльную" работу, пусть и не комфортные, но дешевые отдых и жилье. Они разучились напряженно трудиться и нести ответственность за свой труд, они не способны на инициативу и предпринимательство.

Но и среди советских людей была оппозиция. Зиновьев выделяет три формы инакомыслия: а/ оппозиция к крайностям режима - антисталинизм подпольный /до смерти Сталина/ и легальный /годы "оттепели"/, б/ оппозиция к застою и консерватизму - либерализм хрущевско-брежневского периода /в основном легальный, через масс-медиа, а потому весьма ограниченный/, и наконец в/ оппозиция к отсутствию гражданских свобод, т.е. диссидентское движение. Об этой третьей форме Зиновьев высказался так:

"Это движение самим фактом своего существования доказало возможность такой оппозиции и ее влияния на жизнь общества в целом".
/Там же, с.60/

В перестроечные годы, с демократизацией выборной системы, с появлением гласности, возможности влияния на власть расширились. Нелегальное диссидентство отмерло, власть, хоть и со скрипом, но начала привыкать к "критике снизу" и даже к возможности проигрыша на выборах. За инакомыслие перестали вынуждать к эмиграции, сидеть в тюрьмы и психбольницы, не мешают работать. Насколько это далеко от того, о чем мечтал Ленин, предвидевший

"...ничем не ограниченную, никакими законами, никакими правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть". /43, т.25, с.441/

Отношение раннего христианства к власти - а в те времена она отождествлялась с императором и вообще с Римом - неоднозначно. С одной стороны, апостол Иоанн в Апокалипсисе называет Рим Вавилонской блудницей и пророчит власти гибель от десяти рогов Зверя:

"...сии возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне".
/Откровение св. Иоанна Богослова, 17:16/

С другой стороны, апостолы Петр и Павел говорят прямо противоположное в своих посланиях:

"Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли..."
/1-е Послание Петра, 2:13/

"Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога". /Послание Павла Римлянам, 13:1/

Но сам Христос говорит Пилату: "Царство Мое не от мира сего". /Иоанн, 18:36/. А искушавшим Его фарисеям, которые спрашивают, надо ли платить налоги властям, показывает выбитое на монете изображение цезаря /по-видимому, Тиберия/ и отвечает: "...итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу". /Матфей, 22:21/.

Совершенно очевидно, что смешивать земную власть и Божью благодать - приблизительно то же, что не различать хаос и Хаос*, тем более, что тема Провидения Божьего выше уже затрагивалась, и вывод

* хаос /греч. - беспорядок/ и Хаос /греч. - первобожество, от которого произошли Гея и Уран, родители Кроноса/

/см. § 15/ был таков, что никакой власти в этом мире Господь не имеет и иметь не может, ибо такой низменный атрибут, как власть, принадлежать Богу не может. Власть - понятие человеческое, и ей присущи как черты добра, так и черты зла; а Бог есть Абсолютное Добро.

Русский народ в основном так и относился к власти. Интересно проследить симпатии "масс" к лидерам и их ближайшему окружению, или, как теперь принято говорить, "команде". По принципу формирования верхушки власти можно выделить несколько типов "команд". К сожалению, наиболее продуктивный тип формирования - "команда профессионалов" - Россия не знала /если не считать недолговечный гайдаровский "кабинет самоубийц", взявший на себя самые радикальные, а потому крайне непопулярные реформы/. Зато настоящий "мозговой трест" окружал самого популярного президента США Джона Ф. Кеннеди. "Министерствами талантов" называли в XIX веке кабинет британского премьера У.Гладстона и ближайшее окружение Наполеона.

Россия знала родоплеменные "команды" киевских князей, составлявшиеся из варягов /кстати, популярность князя Владимира "Красное Солнышко" вошла в былины/. Потом были смешанно-сословные "команды" великих царей Ивана Грозного и Петра Великого, с тем отличием, что Иоанн ввел еще и опричнину, чтобы разделаться с противниками, а Петр пригласил еще и иноземцев. Александр I создал было "негласный комитет" из близких людей - прогрессивно мыслящих дворян - чем привлек к себе симпатии образованного общества. Большую часть Временного правительства составляли близкие друзья или добрые знакомые, хотя любви народной заслужить они не успели.

О коммунистических лидерах сказано уже достаточно. Остается лишь добавить, что принцип формирования "верхушки" на основе номенклатуры соблюдался неукоснительно. Борис Ельцин сначала был очень популярен, но когда он стал окружать себя "Семьей" и постоянно тасовать правительства, стал понятно, что и он идет к созданию собственной номенклатуры. Интересно, что и другие посткоммунистические лидеры /Л.Кравчук, А.Лукашенко, Э.Шеварднадзе, Г.Алиев, Л.Кучма, В.Путин/ особой народной любви, несмотря на победы на выборах, не чувствовали. Может быть, потому, что слишком явно повторяли методу Л.Брежневца - окружать себя земляками. У Ельцина было "свердловское землячество", у Кучмы - днепропетровское, у Путина - питерское... А история повторений, как известно, не допускает.

§ 20. Мессиянство и эсхатология. Во Введении к своему эссе я приводил цитату из "Русской идеи" Николая Бердяева, где он обронил несколько слов по поводу поляризованности и противоречивости русского и еврейского народов, как причин "мессиянского сознания". Эта черта, действительно, бросается в глаза: и тот, и другой народ всегда опущали себя Спасителями, Мессиями всего человечества. Прекрасный русский прозаик и поэт Андрей Белый /"с проблесками гениальности", как о нем отзывались многие/, писал в августе 1917 года:

"И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия -
Мессия грядущего дня!"
/"Родные"/

В этом всё - и любовь к родине, и мистическое ожидание, что она выполнит свою историческую миссию, т.е. станет Мессией всего греховного человечества. Обратим, кстати, внимание на время написания этих якобы "пророческих", хотя и очень выразительных, стихов.

В 1453 году турки захватили Константинополь, последний император "Вечной Империи" погиб; это случилось во время правления русского великого князя Василия Темного. Постепенно пришло осознание того, мусульмане утвердились во "Втором Риме" надолго. И вот сын Василия, первый русский самодержец Иван III принимает важнейшее решение: "наследовать" власть Византии. Он женится на племяннице погибшего императора Софье, а своему государству в качестве герба присвоил византийского двуглавого орла. Рождается "долгоиграющая" идея: "Москва - Третий Рим, а четвертому не быть!" Внук Ивана III, Иван Грозный, пошел еще дальше - принял титул цезаря /по-русски получилось "царя", как, например, по-немецки вышло "кайзер"/. Довершил "дело о наследии" Петр Великий, официально став императором.

Идея жила очень долго. Стать Мессией нашему государству пророчили многие - от славянофилов до большевиков. Иван Киреевский, например, видел мессианство страны и православия в целом в том, что

"Мы возвратим право истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотой слога".
/34, т. I, с. 10/

Третий Рим воспевал Тютчев, о нем мечтали Данилевский и Леонтьев, в годы I-й мировой войны многим русским Россия видится спасительницей мира, освободительницей Константинополя...

Но вот приходят большевики. Они - "интернационалисты", хотят осчастливить все человечество, хотя бы и насильно. У Ф. Достоевского мудрый старец Зосима говорит:

"Воистину у них мечтательной фантазии больше, чем у нас! Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью". /"Братья Карамазовы"/

Так и получается: к 500-й годовщине падения Константинополя, действительно, Москва - хозяйка полумира. Термин только немного изменился: не "Третий Рим", а "Третий Интернационал", коммунистический. Но сколько же крови для этого пролилось! А вождям - хоть бы что, подобно французскому королю Людовику XV /по другим сведениям, фраза принадлежала его фаворитке маркизе де Помпадур/: *apres nous le deluge!**

Один из отцов Церкви, св. Григорий Нисский, считал, что человек не только подобие Божие, но и греховное существо. Даже Сатана представляет себе идеал как абсолютную полноту жизни, поэтому и грех человека, и зло Сатаны должны быть преодолены, и рано или поздно это случится. Пьер Абеляр называл грех презрением и пожеланием Бога. Да и многие другие мыслители далекого прошлого напоминали о том, что человек грешен.

Философы Нового времени вторили им: Сёрен Кьеркегор полагал, что отчаяние от осознания своей греховности - неременный спутник жизни каждого. Карл Ясперс называл сознание человеком собственного несовершенства единственным "небожественным откровением". Карл Барт заявлял, что существует единственная реальность - реальность греха. Габриэль Марсель говорил, что беспокойства и тоски нет только у святого; но ведь его безгрешность устанавливается Церковью только *post factum*** - следовательно, религия способна указать путь спасения от греха. И об этом можно писать бесконечно.

Раз личность греховна, то народ святым тем более быть не может. Как же нечто греховное может стать Мессией, Спасителем? Только при

* после нас - хоть потоп /франц./

** после факта, /лат./, здесь - в значении "посмертно"

одном условии - коллективной поголовной безгрешности. Видел ли кто-нибудь хоть один пример святого народа?.. Поэтому, думается, что сама постановка вопроса о мессианстве русского народа - не только глубокое заблуждение, но и антихристианская идея.

То, как именно видится мессианство России - еще более глубокое заблуждение, т.к. здесь не обходится без мысли о создании Царства Божьего на земле, что глубоко противно самому духу христианства. Кроме того, здесь ощущается явная закуска на, мягко говоря, преувеличенном чувстве любви к отечеству - проще говоря, на национализме. Национализм же противоречит не только заповедям Христовым, но и элементарным понятиям общечеловеческой этики.

Можно найти сколько угодно подтверждений того, что святость и мессианство могут быть определены только *post factum*, а *posteriori* * и только со стороны, т.к. человек изначально не свят и изначально являться Спасителем не может. Вот что в 1955 году в книге "Природа и судьба человека" писал американский неопротестант Рейнольд Нибур:

"Истинно христианское воззрение на человека содержит в себе наиболее серьезное рассмотрение греха и связанного с ним зла в человеческом мире". /61, с.18/

Ведь есть только один способ получить знание о святости и мессианстве а priori ** - Божественное Откровение, о котором говорится в Писании. Даже и тогда, когда Господь явно указывает на Христа как на Сына, не все верят. Блажен св. апостол Павел, что уверовал после видения! Но не все так блаженны.

В гораздо большей степени это касается коллектива, тем более такого огромного, как народ. Каково же должно быть Откровение в этом случае? Не служит ли идея мессианства русского народа той же отвратительной доктрине принудительного введения на земле Царства Божьего, которую так пророчески проиллюстрировал Федор Достоевский в своей "Легенде о Великом Инквизиторе" из романа "Братья Карамазовы"?

Если следовать апостолам, появление Мессии неразрывно связано с последующими эсхатологическими событиями, весьма красочно описанными в Откровении /по-греч. *Apokalypsis*/ св. Иоанна. Рассказ апостола, в основном дидактико-метафорический, излагает эти события так. Из земли выходит некий Зверь, который умеет творить чудеса и знамения, чтобы прельстить людей /Антихрист?/ - гл.13. Но на горе Сион появляется Агнец /Христос?/ и 144000 праведников, предупреждающие, что Зверю верить нельзя - гл.14. Нисходят 7 ангелов, имеющих 7 последних язв и 7 чаш гнев Божия, и изливают эти чаши - гл.15,16. Происходит расправа над Вавилоном /Римом?/ - гл.17,18. На белом коне с небес спускается Агнец, "Царь царей" и с помощью воинства небесного поражает предавшихся лжепророку-Антихристу, а самого Зверя-лжепророка и его повелителя Зверя Большого живыми бросает в горящее озеро серы - гл.19. Ангел низвергает дракона-Сатану в бездну, заковав в цепи на 1000 лет, происходит первое воскресение праведников, царствующих с Христом 1000 лет, по прошествии которых диавол, освобожденный из темницы, собирает народы Гога и Магога против Христа, но Бог поражает их огнем, а самого Сатану бросает в озеро к Зверю и Антихристу; происходит воскресение мертвых, суд над ними по книге жизни и конец ада и смерти - гл.20. С небес нисходит Новый Иерусалим - город вечной жизни с Богом и Христом тех, кого на суде признали достойными - гл.21. Видение чистой реки воды жизни - гл.22.

* после опыта, после совершения /лат./

** до опыта, до совершения /лат./

Длительный процесс конца света намеренно изложен здесь подробно: фантастические, условные, поучительные /для людей, живших 2000 лет назад/ элементы проступают очень выпукло. Однако сам тезис конца света, один из центральных в христианстве, не может быть подвержен сомнению. Представлялся он, естественно, по-разному. Последние, конечные времена, судьба мира и общая цель жизни земной /говоря кратко - эсхатология/ у русского народа почему-то всегда вызывали особенно острый, даже напряженный интерес, хотя в связном виде оформляться этот интерес стал сравнительно поздно.

Петр Чаадаев в своих "Письмах" пишет о Царстве Божием как об осуществленном нравственном законе: вся история человечества предназначена осуществить

"...это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалиптический синтез" /II2, с.146/

У Достоевского в "Бесах" нигилист Шигалев ждал не конца, а разрушения всего, и непременно в определенный недалекий по времени срок. Славянофильская идея конца света вдохновляла слабо, т.к. она универсальна и касается одновременно всех народов. Социалистов - тоже, потому что и те, и другие были заняты только земными делами; а тут - конец всему земному!

У "неохристианина" Н. Федорова идея воскресения и жизни вечной даже гипертрофирована, но у него это не духовное воскресение, а физическое воскрешение средствами науки, каковыми он затем намерен достигнуть и бессмертия, и слияния всего живого и неживого. Западник Борис Чичерин, полемизируя с В. Соловьевым, ненароком "бьет" именно по учению Федорова:

"...может быть, и воскрешение из мертвых будет производиться по правительственным приказам?" /II3, с.644/

Льва Толстого, как певца жизни земной, ее конец явно не устраивал, как и крайнего консерватора К. Леонтьева.

Наиболее развито эсхатологическое понимание бытия у Владимира Соловьева. Для него идея Мировой души /Софии/ в сочетании с идеями человеческой свободы и бессмертия - глубочайшая сущность вечного Божественного мира. Смысл человеческого существования - это Богочеловек, в конце мира, в Царстве Божием, обретаемый. Соловьеву было присуще глубокое чувство конца мира. Он посвятил этому книгу "Три разговора", где отмечал:

"Я думаю, что прогресс, то есть заметный, ускоренный прогресс есть всегда с и м п т о м к о н ц а". /96, с.103/

Философ подчеркивал, что это не конец человечества, а лишь конец истории; он видел это не как

"...всеобщую катастрофу мироздания, а лишь как развязку нашего исторического процесса, состоящую в явлении, прославлении и крушении антихриста". /Там же, с.187/

Для семита-антисемита и христианина-антихристианина В. Розанова проблемы эсхатологии почти совершенно закрыты волнующими его проблемами пола и еврейства. Кроме того, он сам признавался, что всегда зачитывался Ветхим Заветом и никогда не любил Новый. Вероятно, не дочитал до Апокалипсиса, раз советовал немедленно сделать христианство фаллическим...

Яркий образ Зверя, причем даже не одного, как мы помним, а двух /Апокалипсис, гл.13/, активно использовался в русской эсхатологической литературе XX века. Для Дмитрия Мережковского это, безусловно, лжепророк-Антихрист. О нем Мережковский писал не только в своих